13.10.91.

Неделя. — 1991. — 7-13 окт. — N41 — с. 18

801

Наши культурные ценности

ГОГОЛЬ ПРИХОДИТ С ЗАПАДА

**Казалось,
мы расстаемся.
Теперь в Москву
знаменитые
Эймунтас Някрошюс
и Молодежный
театр Литвы с новым
спектаклем «Нос»,
только что увенчанным
призом «Новые реалии
европейского театра»,
приезжают
«из-за границы».
То есть за границу.
И значит, не нашей,
горькой и замечательной,
культуре принадлежат
теперь его «Квадрат»,
«...И дольше века
длится день»,
«Ромео и Джульетта»,
«Пиросмани,
Пиросмани...»,
«Дядя Ваня»?
И даже «Нос» —
спектакль по Гоголю —
родился на сцене
сопредельного
государства? Так?**

**Так, да не совсем.
И сам гастрольный
спектакль, возникший
из нашей общей беды,
боли и судьбы,
круто и солоно
замешанный на столь
близкой Някрошюсу
гоголевской традиции:
через Достоевского,
Булгакова, Набокова,
Зощенко,— о том
свидетельствует.
У него так
и в литовском
спектакле по русскому
Чехову «Дядя Ваня»
было — всего этого
писателя да нас с вами
впридачу можно
«вычитать».**

**И сам Эймунтас
не чужой. Только
изменившийся немного,
как бы внутренне
оттаявший,
более степенный,
благожелательный.
И даже чуть-чуть
более разговорчивый,
чем обычно.**

— Всегда приятно приезжать в Москву. Здесь много моих друзей, людей, которые действительно внимательны к тому, что я делаю. Очень люблю московскую публику — удивительно восприимчивую, теплую. Для нас большая честь приезжать в этот супертеатральный город и показывать свои премьеры. На этот раз — еще важнее, потому что сейчас пьесу по Гоголю «Нос» мы привезли в Россию. С нетерпением жду, как примут москвичи такое наше решение. (Да, решение, можно сказать, экстравагантное. Но в общем-то публиковавшиеся у нас набоковские штудии подтверждают: это Гоголь и имел в виду.— Е. М.).

— А почему такой спектакль родился?

— Я не хочу что-то формулировать. Даже для себя самого точно не определял. Это дело профессиональных критиков, не будем отбивать у них хлеб. Мой хлеб — ставить спектакли.

Я очень люблю русскую классику. Это чувство определили, укрепили те пять лет в Москве, которые я проучился в ГИТИСе. Ваша культура, ваши авторы, они какие-то... очень широкие и очень глубокие одновременно. Я лучшей литературы пока не знаю, чем русская.

— Но ведь в последние годы вы пытались выразить «закат империи» с помощью другой всемирно известной классики — «Короля Лира», «Осени патриарха»...

— И все отложил. Эти работы остаются пока в планах. Конечно, можно сопоставлять великую русскую литературу и великую французскую или испанскую. Но русская как-то ближе к Литве. Она, хочешь — не хочешь, все равно влияла на людей, а значит, и на литовскую культуру. И я в этом ничего плохого не вижу. Хотя сейчас мы уже отделились, у нас есть свое государство, полная независимость.

— Отношения, по-моему, станут лучше.

— Конечно, лучше.

— А театральные планы остались прежними?

— Сейчас это — «Кармен».

— Замечательное дело — ставить, писать, думать о свободе. О любви. Но скажите, Эймунтас, отчего столь долгое молчание? Ведь после «Дяди Вани», если не ошибаюсь, прошло пять лет...

— Четыре.

— Конечно, это были, с одной стороны, очень хорошие годы, а с другой — такие трудные. Для всех. И для искусства тоже. Но почему «остановились» вы?

— Есть у Хемингуэя рассказ «Что-то кончилось». Я думаю, что и у меня с театром тоже — что-то кончилось. Хотя пока вновь появилась потребность работать в нем, и есть новые мысли.

Этот период для меня был очень тяжелым. Я не мог прикасаться к работе. Сделал первый акт «Лира» — не то. Снял что-то на телевидении. Ну, не находил себе места.

— Вы рассказывали, что было много приглашений в кино, в частности, от западных продюсеров...

— Да, это так.

— ...и можно было сделать огромные деньги.

— Мог бы сделать.

— И уехать могли бы.

— Конечно. Только я не из тех людей. Пока дома работа есть, я думаю, никуда не надо уезжать. Если бы здесь было что-то нельзя, тогда надо туда стремиться и там работать. А когда надо дома делать дело— мне совестно уехать.

— Всюду на Западе, где вы показывали «Нос», был успех. Как присуждался этот европейский приз лучшему спектаклю сезона? Как проходило «соревнование» с премьерами Бергмана, Брука, Стрелера?

— Фестиваля как такового не было. Нас оценивали по гастролям, и то, что называется шумным успехом, вправду было.

— Сколько же стран вы объездили с театром в последние годы?

— Ой, это трудно сосчитать.

— Десяток? Ближе к пятнадцати?

— Да, около пятнадцати. Я не знаю, что означает приз «Новые реалии...» и какие такие «старые». Получу эту награду только в марте. Там поглядим.

— Говорят, что мировой театр в кризисе и надо дать ему новый импульс. А у нас уж совсем плохо, не знаем, куда идти...

— Сейчас надо прийти к новым категориям. Пришло время делать чистое искусство. А вы знаете, как тяжело его делать.

— Дай вам Бог. И чистого искусства. И покоя на душе.

Своим спектаклем этот литовец опять задел «самое-самое». Думаю, в Москве такое случилось еще и потому, что общей оказалась у наших отцов и у нас больная, фантасмагорическая судьба. Гоголевскому перу под стать. А оттого и остается единым, не дробится наше духовное пространство. И его нельзя поделить. Никакими полосатыми шлагбаумами.

Эймунтас НЯКРОШЮС

ДУША НА СКВОЗНЯКЕ

РЕЖИССУРА... Магическое слово! Оно опьяняет, как сладкий аромат жасмина и ландышей... Режиссура — это целый океан, несущий на себе корабли. А может быть, режиссура — прекрасный архипелаг вечно цветущих надежд на суровом горизонте искусства драмы?!

Режиссура... Мистика. Необъятная галактика творчества. Разве искусствоведы и современный компьютер еще не расшифровали это загадочное слово, не дали ему точной характеристики?

Когда-то мой отец, простой крестьянин из восточной Жемайтии, спросил меня, чем я намерен заняться после учебы. Можно ли будет пощупать мою работу руками?..

Что я мог ему ответить?

РЕЖИССЕР ОТВЕЧАЕТ ЗА ВСЕ. Если получится плохой спектакль, плохой фильм — то кто же другой виноват, как не РЕЖИССЕР? Лично знаком, не раз общался с такими режиссерами, которые в любом случае избегают ответственности за то, что получился плохой спектакль, плохой фильм... Виноват, дескать, не он, а все другие: плохой сценарий, слабая пьеса, никудышные актеры, бездарная труппа, неинтересный художник, композитор... Братцы, если уж беремся вместе за работу — так сделаем ее так, чтобы не было стыдно подписаться под ней. Научимся хотя бы не лгать самим себе. Получился плохой спектакль, фильм — так осмелимся взвалить весь груз ответственности на себя. Не стоит режиссеру ходить, чванно задрав голову. Можно подумать, что такой режиссер важен сам по себе со своими непомерными амбициями, пустыми эмоциями. Любая критика с него как с гуся вода. В конце концов такого назначат руководителем театра. Сам измучится и других измучит. Угадать режиссерский талант можно, завязав с ним короткий разговор — даже не увидев работы. Самовлюбленность индюка всегда различишь по штампу, шаблону и в манерах, и в мыслях, и в теме.

...А вот предложить бы такому режиссеру, который считает себя центром вселенной: «Ступай, брат, побудь сезон-другой актером». Так ведь он ужасно оскорбится, убежит из театра, обругав его на прощанье. Совершенно согласен с актером, сказавшим как-то, что пора «делать пробы режиссеру».

ТЕАТР НАЧИНАЕТСЯ С БУФЕТА. Смешно? Неужели? Вижу, вы усмехаетесь? Почему? Ведь нигде так, как в уютном театральном буфете за чашкой чая или кофе, не поговорить по душам обо всех заботах и делах.

ТЕАТР начинается с... БУФЕТА. Да, так! Я прошу прощения у уважаемых авторитетов, которые склонны держаться компетентного классического мнения, что «...театр начинается с вешалки». Нелепость. Эта теория устарела. Почему? По той простой причине, что театральная вешалка утратила престиж, если так можно сказать, потеряла авторитет. Твердые позиции и приоритет в современной театральной жизни прочно завоевал буфет. Почему? Ну сами подумайте: а так ли нам необходимы «ритуалы» театральной вешалки? Ведь никто сегодня не ходит в театр в собольих шубах. Забросив на крючок театральной вешалки свои всевозможные синтетические «шмотки», бросаемся в... буфет. Там и себя покажем, и на других поглядим, и обсудим тех, кто сегодня жить без театра не может, кто разными путями достает билеты и попадает в зал.

СЦЕНА... Бутафорские замки, дворцы и лачуги... Здесь можно посадить лес, взбираться на высочайшие горы, плыть на пароходе через штормовые моря...

Сцена вмещает все созвездия, галактики и космические пространства... Ведь на сцене всегда можно повесить то, что мы никогда не вешаем в своем платяном шкафу...

СЦЕНА — КАК СТРАШНЫЙ, НЕНАСЫТНЫЙ ТИГР, ПОЖИРАЕТ СУДЬБЫ АРТИСТОВ И РЕЖИССЕРОВ... Сколько фальшивых поцелуев, фальшивых смертей, траура и эйфории видела она за свою жизнь... На ней вечный сквозняк: художественных стилей, вкусов, жанров, сметающий всю пыль иллюзий во сне и наяву с наших эмоций и вещей... Летая по сцене, он однажды впивается в позвоночник и кости артистов... Радикулит — тоже болезнь нашего века.

СЦЕНА — чистое и запачканное, кривое зеркало каждого театра, здоровое или травмированное его сердце. Это центр кровообращения и наших эмоций.

Известно: надо бы возглашать, что сцена — это алтарь, на пилястрах которого ласточки высиживают золотые яйца, белоснежные ангелы зажигают свечи и поют праздничные хоралы. Все, грешные, склоните головы перед святыней сцены — и будете помилованы... На сцену нельзя лезть грязными ногами. Сцена не выносит аморальности и предательства. СЦЕНА — наша творческая совесть и смысл жизни. Я смотрю на сцену и хочу увидеть театр, который нужен мне и тем, кто будет жить после нас...

ЛИЦО... Произношу это слово — и думаю: что же, в самом деле, представляет собой ЛИЦО ТЕАТРА?

Может, ЛИЦО ТЕАТРА складывается из множества лиц, одно значительнее другого? Лицо главного режиссера, лицо рядового режиссера, лицо драматурга, лицо директора театра, лицо кассирши, лицо уборщицы. Или вот еще ЛИЦО ГРИМЕРШИ, благодаря чьему волшебству на несколько часов сценической жизни выравниваются морщины, неузнаваемо меняются прически, брови и ресницы нашего уважаемого актера... В конце концов, ЛИЦО ТЕАТРАЛЬНОГО КРИТИКА!.. Так вот, ЛИЦО АКТЕРА... Угадать духовную структуру этого лица всего сложнее. Лицо актера — мозаичная фреска. Немного Шекспира, Ибсена, чуть-чуть Чехова, Мольера, Достоевского... Драгоценность этой фрески!.. Самые счастливые и богатые — те, кому судьба позволила к этому хоть чуть-чуть прикоснуться.

Это бесконечно грустное лицо. На нем видны чаще искусственные и очень редко органичные усилия выразить жизнь неизвестной, незнакомой души.

Прошу прощения у тех, кого не упомянул, у тех, кто с раннего утра до поздней ночи трудится, устает и мучается под крышей театра во имя искусства... Я не упомяну всех, хотя вижу их — всех, кто нужен, без кого нет и не может быть театра...

Пролетели первые полтора десятилетия моей работы в театре. Уже! Хватит ли сил и здоровья еще на один такой отрезок времени — сделать то, что не успел? Может, у меня еще нет права публично рассуждать о театре? Театр — серьезная организация. Но театр также и веселая организация. Последний аспект тоже, думаю, заслуживает внимания.

Думаю, что есть виды искусства сильнее, своеобразнее, долговечнее, чем театр. Все науки развиваются, заглядывая в будущее. А театр все-таки живет, довольствуясь воспоминаниями о прошлом человечества. Может, зрители узнают себя в жизни, смотря спектакль, а может, и нет... Наверное, можно обойтись и без театра. Подумаешь... Мой отец ни разу не видел театра, а прекрасно прожил свой век...

Материалы подготовила
Елена МАЦЕХА.

● *Сцена из спектакля «Нос».*

Фото Юрия Феклистова

«НЕДЕЛЯ» № 41 (1645). 1991 г.